Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

П.Н. Жукович

Казацкий разгром и Куруковский договор 1625 года

Опубликовано:
Христианское чтение. 1909. № 5. С. 769-789.

© Сканирование и создание электронного варианта: Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Казацкій разгромъ и Куруковскій договоръ 1625 года *).

Казацкій «Отвѣтъ» на предъявленныя королевскими комиссарами къ запорожскому войску требованія содержалъ въ себѣ цѣлый рядъ отрицательныхъ или полуотрицательныхъ пунктовъ [26]). На уменьшеніе своего численнаго состава казаки прямого согласія не дали: ограничились двусмысленнымъ обѣщаніемъ удалить ненужныхъ и негодныхъ къ военному дѣлу людей. На назначеніе гетмана польскимъ правительствомъ казаки совсѣмъ не согласились. Отъ принесенія присяги по предложенной имъ формѣ отказались. Отъ опредѣленія численнаго состава пребывающаго въ Запорожьи сторожевого казацкаго отряда тоже отказались. Рѣшительнаго согласія прекратить выходы въ Черное море не дали. Отъ сношеній съ Москвой прямо не отказались. Свободный пріѣздъ въ Запорожье и отъѣздъ изъ него всякихъ людей, даже завѣдомо подозрительныхъ, считали дѣломъ, измѣненію не подлежащимъ. По поводу вмѣшательства своего въ борьбу православія съ уніей дали объясненія совсѣмъ не успокоительнаго свойства.

---

*) Окончаніе; см. апрѣль.

[26]) Конецпольскій впослѣдствіи (3 ноября) упрекалъ казаковъ въ томъ, что они „въ первомъ писаніи своемъ ни въ одномъ пунктѣ не хотѣли быть послушными волѣ короля“. (Niemcewicz, VI, 209). А подольскій подстолій Лука Мясковскій (7 ноября 1625 г.) писалъ, что казаки на декларацію коммиссаровъ не только не дали приличнаго отвѣта, а напротивъ отнеслись къ ней несерьезно и неуважительно: оправдывали свои преступленія, требовали вознагражденія себѣ за убытки, причиненные наступленіемъ на нихъ коронnаго войска (тамъ, же, 227—228).

Не ограничившись отрицательнымъ отношеніемъ къ большей части предъявленныхъ къ нимъ коммиссарами требованій. казаки предъявили къ нимъ, или—въ лицѣ ихъ—къ центральному польскому правительству нѣсколько своихъ положительныхъ требованій. Они просили коммиссаровъ ходатайствовать передъ королемъ и государствомъ о возстановленіи ихъ древнихъ правъ и вольностей, которыя ихъ предки и они сами добыли своими головами, въ частности о вознагражденіи за убытки, причиненные имъ послѣднимъ наступленіемъ на нихъ коммиссаровъ. Казаки просили возвратить имъ ихъ женъ, дѣтей, скотъ и прочее имущество. захваченныхъ при этомъ наступленіи. Относительно тѣхъ ремесленниковъ и другихъ бродячихъ людей, которые будутъ изъ состава казачества исключены, они просили, чтобы украинскіе уряды не подвергали ихъ никакому наказанію. Для себя казаки просили права свободнаго проживанія въ имѣніяхъ королевскихъ, духовныхъ и шляхетскихъ, а также права переселенія на жительство въ королевскіе города. Казаки просили коммиссаровъ ходатайствовать передъ королемъ и государствомъ объ увеличеніи годичнаго жалованья имъ, потому что назначенное коммиссарами на Руссавѣ и подъ Хотиномъ жалованье (пятьдесятъ тысячъ злотыхъ) оказывалось совсѣмъ недостаточнымъ для запорожскаго войска: его не хватаетъ не только на содержаніе недостаточнымъ казакамъ (а такихъ очень много), но даже на покупку пороху и олова. Казаки просили коммиссаровъ о снабженіи ихъ всѣмъ необходимымъ для ихъ артиллеріи, безъ которой войско запорожское обыкновенно не выходитъ на свою службу королю и государству... Словомъ, запорожское казачество рѣшительно стояло за дальнѣйшее сохраненіе всего своего тогдашняго правового и фактическаго положенія. Теперешній отвѣтъ его на правительственныя требованія ничѣмъ по существу не отличался отъ отвѣта, даннаго имъ шесть лѣтъ тому назадъ (Раставицкая коммиссія). На нѣкоторыхъ пунктахъ онъ даже превосходилъ его своею рѣшительностью.

Казацкія отвѣтныя объясненія по религіозно-церковнымъ дѣламъ также не обнаруживали уступчивости и предупредительной покорности. Относительно самого іерусалимскаго патріарха Ѳеофана, воспользовавшагося шесть лѣтъ тому назадъ казацкимъ гостепріимствомъ, запорожскіе казаки никакого спеціальнаго объясненія не дали. Относительно же возстановленія имъ

высшей западнорусской православной іерархіи они ограничились напоминаніемъ о томъ, что казаки и посвященные имъ митрополитъ и епископы въ свое время уже представили королю соотвѣтствующія объясненія и оправданія по этому дѣлу. Казаки разумѣли тутъ, безъ сомнѣнія, объясненія и оправданія, представленныя уполномоченнымъ казаковъ Петромъ Конашевичемъ-Сагайдачнымъ и епископомъ владимірско-брестскимъ Іосифомъ Курцевичемъ (въ 1621 г.), а также митр. Іовомъ Борецкимъ и архіеп. Мелетіемъ Смотрицкимъ (на сеймѣ 1623 года). По поводу обвиненія ихъ въ убійствѣ кіевскаго войта Ходыки и священника Юзефовича казаки сочли нужнымъ указать на общія религіозныя преслѣдованія православныхъ въ Литвѣ, Бѣлоруссіи, Волыни и Галиціи. Самое убійство Ходыки и Юзефовича они въ извѣстной мѣрѣ оправдывали, какъ вызванное неосмотрительными дѣйствіями того и другого. Такимъ образомъ казаки совсѣмъ отклонили предъявленныя къ нимъ по религіозно-церковнымъ дѣламъ обвиненія. Въ своемъ заключительномъ обращеніи къ коммиссарамъ они особо просили объ успокоеніи стародавней ихъ греческой религіи, указывая на то, что король присягнулъ вполнѣ охранять ея покой. Они вновь усиленно просили объ окончательномъ ея успокоеніи, для того, чтобы они, увидѣвши доброе расположеніе къ себѣ короля, всего государства и коммиссаровъ, тѣмъ охотнѣе и мужественнѣе встали на защиту государства противъ коронныхъ непріятелей, гдѣ бы ни оказалась въ томъ нужда.

Отказъ запорожскихъ казаковъ подчиниться требованіямъ королевскихъ коммиссаровъ необходимо велъ къ кровавой развязкѣ. Утромъ 29 ноября Конецпольскій отпустилъ казацкихъ пословъ, сказавши имъ на прощанье, что казаки за свое непослушаніе и своеволіе скоро почувствуютъ на своихъ шеяхъ дѣйствіе польскихъ сабель. Дѣйствительно, въ тотъ же день польское войско подъ предводительствомъ Конецпольскаго перешло рѣку Цыбульникъ и напало на казаковъ, отчасти засѣвшихъ на правомъ ея берегу въ своемъ крѣпкомъ таборѣ, отчасти расположившихся впереди табора въ открытомъ полѣ. Польское войско наступало на казаковъ тремя колоннами, дѣйствовало ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ. Конные польскіе отряды, опираясь на свою пѣхоту, пытались обойти казаковъ справа и слѣва. Казаки съ своей стороны дѣлали вылазки и производили нападенія на отдѣльные отряды поль-

скаго войска. Сраженіе продолжалось весь день, до самаго вечера. Польскому войску не удалось взять казацкій таборъ приступомъ. Но ему удалось оттѣснить казацкіе отряды, расположенные впереди табора, загнать всѣхъ казаковъ въ ихъ таборъ. Польское войско, во всякомъ случаѣ, заставило казаковъ очистить часть ихъ позицій на правомъ берегу Цыбульника. Оно само заняло эти позиціи, пододвинувшись на близкое разстояніе къ казацкому табору. Положеніе казаковъ въ ихъ таборѣ стало очень тяжелымъ, такъ какъ они легко могли быть отрѣзаны въ немъ отъ всякихъ сообщеній съ окружающимъ міромъ. Надежды на успѣхъ въ открытомъ бою съ польскимъ войскомъ, многочисленнымъ, хорошо вооруженнымъ и дисциплинированнымъ, у нихъ быть не могло послѣ неудачныхъ или безрезультатныхъ стычекъ съ нимъ въ теченіе цѣлаго дня 19 октября.

Въ виду того, что открытое вооруженное столкновеніе съ казаками не дало полнаго успѣха, Конецпольскій рѣшилъ повести аттаку на казацкій таборъ подъ прикрытіемъ такъ называемыхъ гуляй-городковъ. Къ устройству ихъ и приступлено было на другой же день, 30 октября. Отъ казаковъ этотъ новый военный планъ короннаго гетмана, конечно, не укрылся. Они тотчасъ же сообразили, къ какимъ результатамъ поведетъ неизбѣжно его исполненіе. Уже 30 октября часть казаковъ бросилась вонъ изъ своего табора. Они думали спастись изъ западни переправой на лѣвый берегъ Днѣпра на лодкахъ. Но эта попытка, вслѣдствіе сильной бури, окончилась гибелью смѣльчаковъ. Въ ночь съ 30 на 31 октября все казацкое войско тайно ушло изъ своего лагеря, направляясь къ югу. Около полуночи объ этомъ стало извѣстно Конецпольскому. Онъ рѣшилъ немедленно начать преслѣдованіе отступавшихъ. Высланный имъ тогда же отрядъ подольскаго подкоморія (Стан. Потоцкаго) настигъ казаковъ на разстояніи одной мили отъ ихъ прежняго лагеря, когда они уже переправились черезъ какое-то озеро или болото. Оставивши на берегу его 1500 человѣкъ для своего прикрытія, казаки продолжали свое отступленіе. Они еще прошли таборомъ полмили. На берегу другого озера они опять оставили 2000 человѣкъ. Наконецъ они достигли Курукова озера. Оставивъ на ближайшемъ берегу его еще 2000 человѣкъ, казаки стали устраивать свой таборъ за озеромъ въ Медвѣжьихъ Лозахъ.

На разсвѣтѣ Конецпольскій въ помощь высланному имъ

еще ночью отряду послалъ новый отрядъ, въ которомъ главную силу образовала нѣмецкая пѣхота. Этотъ второй отрядъ, соединившись съ первымъ отрядомъ, нанесъ оставленнымъ у обѣихъ переправъ казакамъ рѣшительное пораженіе. Этому пораженію особенно помогло то, что эти казаки не имѣли возможности на нихъ устроиться таборомъ. При такомъ ихъ положеніи огонь нѣмецкой пѣхоты и стремительный натискъ польской конницы имѣли для нихъ самое губительное дѣйствіе. Много казаковъ при защитѣ переправъ погибло. Преслѣдуя бѣжавшихъ казаковъ, польское войско подошло къ Курукову озеру [27]), гдѣ и произошло рѣшительное сраженіе. Главная масса казаковъ тутъ стала устраивать, какъ мы уже сказали выше, таборъ за озеромъ, на нѣкоторомъ отъ него разстояніи, на мѣстѣ стараго городища. Чтобы выиграть время для устройства табора, особые казацкіе отряды расположились по обѣимъ берегамъ Курукова озера (представлявшаго, вѣроятно, собою часть обмелѣвшей болотной рѣчки того же имени), затрудняя непріятельскому войску переправу чрезъ него и задерживая такимъ образомъ его наступленіе. На ближайшемъ къ непріятелю берегу казаки устроили небольшой таборъ, а на противоположномъ засѣли въ густомъ лознякѣ. Изъ табора и изъ лозняка они открыли по приближавшейся уже къ Курукову озеру польской конницѣ густую стрѣльбу и своимъ

[27]) Въ настоящее время не существуетъ Курукова озера, какъ не существуетъ и урочища Медвѣжьи Лозы. Свящ. В. Никифоровъ путемъ тщательнаго изученія современной топографіи той мѣстности, на которой осенью 1625 года произошло кровавое столкновеніе польскаго и казацкаго войска, высказалъ предположеніе, что мѣстность исчезнувшаго Курукова озера лучше всего относить къ той мѣстности, гдѣ теперь находится посадъ Крюковъ. Посадъ же Крюковъ находится на правомъ берегу Днѣпра, прямо противъ г. Кременчуга, находящагося на лѣвомъ его берегу (Кіев. Стар., 1885, т. XI, 770—773, „Куруковскій договоръ казаковъ съ поляками 1625 года"). Къ предположенію о. Никифорова примыкаютъ г. Ѳ. Николайчикъ (Кіев. Стар., 1889, т. XXVII, 62—69, „Новый источникъ о казацкомъ возстаніи 1625 г. и мѣсто заключенія Куруковскаго договора") и г. Ст. Рудницкій (Записки Наукового Товариства імени Шевченка, 1897, кн. III, т. XVII, стр. 31). Предположеніе этихъ изслѣдователей оказывается вполнѣ основательнымъ. Универсалъ Конецпольскаго къ аттакованнымъ имъ 31 октября у Курукова озера на Медвѣжьихъ Лозахъ казакамъ (универсалъ датированъ 1 ноября) „писанъ въ лагерѣ у Кременчуга (Krzemieńczuka) на Медвѣжьихъ Лозахъ" (рук. Имп. Публ. Библ., Пол., F. IV. № 241, стр. 623). Ср. показаніе свящ. Филиппа, что бой Конецпольскаго съ казаками былъ „надъ старымъ городищемъ надъ Кременчюковымъ" (Кулишъ, 1, 243).

огнемъ заставили ее остановиться. Польская конница стала поджидать шедшую слѣдомъ за нею нѣмецкую пѣхоту. Эта послѣдняя, подошедши къ Курукову озеру, сперва вытѣснила казаковъ изъ вышеупомянутаго небольшаго табора ихъ, а потомъ подъ прикрытіемъ этого табора открыла огонь по казакамъ, засѣвшимъ на другомъ берегу, въ лознякѣ. Между тѣмъ, къ Курукову озеру подошелъ передовой отрядъ главнаго польскаго войска (тутъ находился, между прочимъ, отрядъ кіевск. воеводы Ѳомы Замойскаго). Польское войско, конное и пѣшее, переправилось теперь на другой его берегъ. Казаки «послѣ долгаго сопротивленія» (слѣд. едва ли «постыдно», какъ выражается тутъ дневникъ) стали отступать къ главному табору. У нихъ тутъ не было табора; отступали они безъ всякаго прикрытія; поэтому многіе изъ нихъ при этомъ отступленіи погибли.

Главный казацкій таборъ въ тотъ моментъ, когда къ нему подошли передовые непріятельскіе отряды, не былъ еще хорошо устроенъ и укрѣпленъ. Галицкій каштелянъ Мартинъ Казановскій, въ этотъ моментъ прибывшій къ этимъ отрядамъ, поддерживалъ духъ утомленной нѣмецкой пѣхоты, убѣждая ее продолжать натискъ на казаковъ, чтобы воспрепятствовать имъ закончить до прихода главнаго польскаго войска устройство табора. Но собравшихся подъ казацкимъ таборомъ польскихъ военныхъ силъ оказалось недостаточно для успѣшнаго на него нападенія. И аттака польскихъ гусаръ подъ командой Замойскаго, и приступъ нѣмецкой пѣхоты подъ начальствомъ мальтійскаго рыцаря Юдицкаго не имѣли успѣха. Казаки не только отбили каваллерійскую аттаку, но и сдѣлали вылазку изъ своего табора, преслѣдуя ее въ ея отступленіи (самъ Замойскій едва спасся бѣгствомъ), Юдицкій былъ раненъ въ грудь, и нѣмцы на этотъ разъ отступили безъ успѣха, понеся уронъ въ людяхъ.

Между тѣмъ прибылъ на мѣсто сраженія коронный гетманъ со всѣмъ собравшимся подъ его начальствомъ войскомъ. Онъ немедленно сталъ устанавливать свое войско въ боевой порядокъ. Пѣхоту поставилъ на тѣ мѣста, откуда она своимъ огнемъ могла нанести большій уронъ непріятелю. Конницу отвелъ въ мѣста, болѣе безопасныя отъ дѣйствія густого казацкаго огня. Артиллерію расположилъ въ трехъ мѣстахъ, откуда удобно было обстрѣливать казацкій таборъ. Гетманъ Конецпольскій, послѣ этихъ подготовительныхъ дѣйствій, самъ

лично, не смотря на сильный казацкій огонь, повелъ свое войско на штурмъ казацкаго табора. Когда онъ находился уже вблизи казацкаго табора, онъ неожиданно попалъ со всей своей пѣхотой и конницей въ ужасную трясину, находившуюся въ густой травѣ подъ самымъ таборомъ. Это обстоятельство заставило, конечно, Конецпольскаго пріостановить дальнѣйшее наступленіе въ принятомъ направленіи. Онъ самъ подвергался большой опасности отъ густыхъ казацкихъ пуль и «испыталъ дѣйствіе на себѣ дивнаго провидѣнія Божія». Отъ казацкихъ выстрѣловъ погибло болѣе десятка бывшихъ въ конномъ и пѣшемъ строю шляхтичей (въ томъ числѣ извѣстный ротмистръ лисовчиковъ Рогавскій).

Перечисливши по именамъ нѣкоторыхъ убитыхъ въ бою шляхтичей, авторъ служащаго намъ матеріаломъ Дневника экспедиціи противъ казаковъ передаетъ затѣмъ (безъ всякихъ предварительныхъ разъясненій и сообщеній), что «отъ такой частой стрѣльбы и смѣлаго наступленія (польскаго войска) обнаружился у казаковъ большой уронъ въ лошадяхъ, такъ что они, получивъ должное возмездіе, громко взывали о милосердіи». Когда коронный гетманъ объ этомъ услышалъ, онъ (по дальнѣйшему разсказу Дневника) запретилъ своему войску продолжать стрѣльбу. Пѣхотѣ далъ знакъ отступить, а орудія свезти съ батарей. Когда же наступилъ вечеръ, онъ со всѣмъ своимъ войскомъ ушелъ въ лагерь, устроенный подъ Медвѣжьими Лозами, или Куруковымъ озеромъ.

Хотя казаки, по свидѣтельству Дневника, 31 октября громко взывали о милосердіи, однако оффиціально они не сдѣлали никакихъ шаговъ къ тому, чтобы добиться отъ гетмана пріостановки военныхъ дѣйствій противъ нихъ. Авторъ Дневника (подъ 1 ноября) объясняетъ это тѣмъ, что казаки боялись послать пословъ къ разгнѣванному гетману. Повидимому, сраженіе 31 октября не окончилось еще полнымъ и явнымъ пораженіемъ казацкаго войска. Весь день 1-го ноября коронное войско отдыхало, страдая, впрочемъ отъ жестокаго мороза. Конецпольскій, по словамъ Дневника, далъ приказъ пѣхотѣ готовиться къ новому штурму казацкаго табора (готовить коши для штурма)... Починъ въ возобновленіи прерванныхъ 29 октября польско-казацкихъ переговоровъ принадлежалъ, во всякомъ случаѣ, не казакамъ, а польской сторонѣ. Королевскіе комиссары, по словамъ Дневника, уговорили 1-го ноября Конецпольскаго послать къ казакамъ двухъ пословъ

(Бѣлецкаго и Хмѣлецкаго) съ предложеніемъ возобновленія переговоровъ.

Этимъ посламъ вручент былъ для передачи казакамъ универсалъ къ нимъ комиссаровъ [28]). Въ этомъ универсалѣ комиссары объявляли, что хотя казаки много уже разъ оказывались недостойными королевской милости и даже болѣе того—осмѣлились теперь обратить свое оружіе противъ королевскаго войска, тѣмъ не менѣе они, комиссары, приписывая таковые ихъ поступки не столько ихъ упорству и злобѣ, сколько глупости или бѣшенству ихъ, рѣшили еще разъ примѣнить милость по отношенію къ нимъ. Эту ихъ милость казаки (по словамъ универсала) могли воочію видѣть вчерашняго дня (31 окт.), когда они, комиссары, сдерживали королевское войско и нѣсколько разъ отъ нихъ отгоняли. Комиссары давали казакамъ время одуматься и опомниться, свидѣтельствуя передъ Богомъ и всѣмъ міромъ, что они не ищутъ казацкой крови. При этомъ они завѣряли казаковъ въ томъ, что, если они пожелаютъ, они испытаютъ ихъ снисходительность и милость къ нимъ короля, такъ что ни у одного изъ нихъ волосъ не спадетъ съ головы. Комиссары предлагали казакамъ тотчасъ же прислать своихъ пословъ, обѣщая имъ полную безопасность. Ко всему этому комиссары прибавляли, что если казаки въ этихъ своихъ ямахъ станутъ отсиживаться, коронное войско не уйдетъ изъ этихъ краевъ до тѣхъ поръ, пока королевская воля относительно казаковъ не будетъ выполнена. Въ заключеніе комиссары грозили казакамъ тѣмъ, что въ случаѣ ихъ дальнѣйшаго упорства они покажутъ свою суровость надъ ихъ женами, дѣтьми и имуществомъ (находившимися, какъ извѣстно, въ разныхъ мѣстахъ Украины, среди коронныхъ и шляхетскихъ владѣній) [29]).

---

[28]) Въ рук. Имп. Публ. Библ., Пол., F. IV, № 241, стр. 622—623, онъ носитъ такое заглавіе: „Послѣдній универсалъ комиссаровъ послѣ разгрома табора, когда казаки не имѣли уже, куда убѣгать, и издалека взывали о присылкѣ пословъ, прося о милосердіи". Универсалъ писанъ въ лагерѣ у Кременчуга на Медвѣжьихъ Лозахъ 1 ноября 1625 г.

[29]) Содержаніе универсала не совсѣмъ соотвѣтствуетъ его заглавію въ рукописи №-241. Изъ него явствуетъ, что казаки могли еще болѣе или менѣе продолжительное время отсиживаться въ своемъ таборѣ. Универсалъ ничего не говоритъ о возможности немедленнаго разоренія табора. Чтобы побудить казаковъ къ уступчивости, комиссары грозятъ имъ не немедленнымъ разгромомъ табора, а репрессаліями надъ ихъ беззащитными семействами... Все это набрасываетъ нѣкоторую тѣнь на

Привезшіе универсалъ, по словамъ Дневника, радушно приняты были казаками. Казаки (1 ноября) обѣщали прислать къ гетману на слѣдующій день пословъ. 2 ноября утромъ они, дѣйствительно, прислали къ коммиссарамъ трехъ пословъ. Черезъ этихъ пословъ отъ имени коммиссаровъ объявлено было казакамъ, чтобы они на слѣдующій же день прислали къ нимъ надлежащихъ уполномоченныхъ для принятія условій примиренія. Во врученной казацкимъ посламъ грамотѣ ставилось въ особенную вину казакамъ намѣреніе ихъ просить помощи противъ коронnаго войска у невѣрныхъ (татаръ), сжечь Каневскій замокъ и перебить находившихся въ немъ людей. 3 ноября казацкіе уполномоченные, во главѣ съ Петромъ Одинцомъ, прибыли къ коммиссарамъ. Они привезли съ собой три грамоты запорожскихъ казаковъ, одну къ комиссарамъ, другую къ гетману Конецпольскому, третью къ кіевскому воеводѣ Замойскому, и инструкцію, данную имъ запарожскими казаками относительно требованій комиссаровъ (изложенныхъ въ извѣстной намъ Декларации послѣднихъ) [30]). Въ грамотѣ къ комиссарамъ казаки, прежде всего, отрицали приписанное имъ комиссарами (въ грамотѣ отъ 2 ноября) преступное намѣреніе. Затѣмъ, они выражали сожалѣніе о недавно пролитой невинной крови. Уполномоченнымъ своимъ они дали право принять всѣ справедливыя требованія, изложенныя въ Декларации коммиссаровъ. Кромѣ того, они поручили своимъ уполномоченнымъ представить коммиссарамъ нѣсколько ихъ просьбъ. Первою изъ нихъ поставлена была просьба «объ успокоеніи религіи», на что король давно уже изволилъ выразить свое согласіе. За ней слѣдовали просьбы о возстановленіи казацкихъ вольностей, о возвышеніи имъ ежегоднаго жалованья и др. Казаки просили коммиссаровъ исходатайствовать имъ у короля исполненіе этихъ ихъ просьбъ, и прежде всего просьбы о свободѣ совѣсти... Въ грамотѣ къ Конецпольскому казаки особенно просили его, какъ иниціатора поворота къ луч-

---

побѣдные успѣхи польскаго войска въ сраженіи съ казаками 31 октября. Даже не зная этого универсала, г. Рудницкій въ своей „Казацко-польской войнѣ 1625 года“ (основанной на тщательномъ изученіи Дневника этой войны и нѣкоторыхъ другихъ второстепенныхъ источниковъ) усумнился въ великости побѣды, одержанной Конецпольскимъ надъ казаками 31 октября 1625 года („Кіев. Стар.“, XVII, 32—33).

[30]) Грамоты (двѣ) и инструкція напечатаны Нѣмцевичемъ (VI, 199—207). Всѣ эти документы датированы 3 ноября.

шему въ казацко-польскихъ отношеніяхъ, помочь имъ въ достиженіи ихъ желаній относительно успокоенія стародавней ихъ греческой вѣры и изліянія на нихъ королевской щедрости.

Коммиссары, Конецпольскій и Замойскій 3 ноября написали отвѣтныя грамоты казакамъ. Вмѣстѣ съ грамотами они вручили казацкимъ уполномоченнымъ свои условія примиренія (датированныя 4 ноября) [31]). Коммиссары писали въ своей грамотѣ (адресованной Жмайлу и казакамъ), что въ новыхъ своихъ условіяхъ они сдѣлали всѣ уступки имъ, какія только можно было сдѣлать, и просили казаковъ опять прислать на слѣдующій день своихъ уполномоченныхъ для заключенія окончательнаго договора. Конецпольскій въ своей грамотѣ изъявилъ готовность ходатайствовать передъ королемъ о сохраненіи на будущее время казацкихъ вольностей, а Замойскій настойчиво убѣждалъ ихъ покориться условіямъ коммиссаровъ.

4 ноября казаки прислали свой новый (по общему счету уже третій) письменный отвѣтъ на условія коммиссаровъ. При этомъ въ грамотѣ къ коммиссарамъ они писали, что надѣются на ихъ дальнѣйшую милость къ себѣ. Конецпольскаго казаки опять просили помочь имъ въ достиженіи ихъ желаній [32]).

Результатомъ трехдневныхъ сношеній казаковъ съ королевскими коммиссарами, приведшихъ къ нѣкоторымъ уступкамъ со стороны этихъ послѣднихъ, и явилось состоявшееся между ними 5 ноября окончательное соглашеніе, получившее оффиціальное названіе «Ординаціи запорожскихъ казаковъ» [33]).

Королевскіе коммиссары, прежде всего, обнаружили уступчивость по вопросу о выдачѣ имъ для надлежащаго наказанія всѣхъ казацкихъ предводителей въ черноморскихъ походахъ, а также виновниковъ Кіевскихъ, Корсунскихъ и Богуславскихъ убійствъ. Во второмъ отвѣтѣ своемъ казаки указывали на то, что предводители творили не свою волю, а волю всего запорожскаго войска, и потому вина ихъ не больше, чѣмъ вина

---

[31]) Niemcewicz, VI, 208—216.

[32]) Niemcewicz, VI, 216—222.

[33]) Ординація запорожскихъ казаковъ, датированная 6 ноября 1625 года, напечатана Нѣмцевичемъ (VI, 230—241), Малиновскимъ и Пшездзецкимъ (II, 182—189), Маркевичемъ (Исторія Малороссіи, Москва, 1842, III, 21—30), въ Архивѣ Юго-Зап. Россіи (ч. III, т. I, 284—192). Она находится также въ рук. Имп. Публ. Биб.. Пол., F. IV. № 241. стр. 634—639; № 96, л. 51 об.—54 об.

всего этого войска, которому отъ имени короля обѣщано уже прощеніе, если оно впредь прекратитъ свои выходы въ море. Относительно виновниковъ вышеупомянутыхъ убійствъ они ссылались тутъ на свое прежнее объясненіе. Коммиссары продолжали настаивать на выдачѣ, обѣщая не подвергать ихъ немедленно отвѣтственности, а отослать для разслѣдованія къ королю (котораго при этомъ обѣщали просить о милосердіи къ нимъ). Казаки въ третьемъ своемъ отвѣтѣ продолжали отстаивать свою точку зрѣнія на это дѣло. Въ Ординаціи коммиссары объявляли, что, такъ какъ значительная часть казацкихъ предводителей и виновниковъ убійствъ въ королевскихъ городахъ уже погибла отъ польскихъ сабель, то они отъ имени короля и государства объявляютъ всѣмъ остальнымъ казакамъ прощеніе, какъ тѣмъ, которые останутся въ запорожскомъ войскѣ, такъ и тѣмъ, которые спокойно возвратятся къ своему прежнему образу жизни.

По вопросу о старшемъ, или гетманѣ запорожскаго войска королевскіе коммиссары не обнаружили уступчивости, и казаки должны были покориться, хотя во-второмъ и третьемъ своихъ отвѣтахъ они указывали на неудобства въ военномъ отношеніи новаго порядка поставленія старшаго. Впрочемъ особой энергіи въ защитѣ своего стараго порядка казаки не проявили (въ третьемъ отвѣтѣ они сами соглашались на примѣненіе новаго порядка въ случаѣ поступленія запорожскаго войска на какую-либо особую королевскую военную службу), не проявили, можетъ быть, потому, что избраніе гетмана и на будущее время оставалось въ ихъ рукахъ. По Ординаціи, самимъ казакамъ принадлежало избраніе себѣ старшаго изъ своей же собственной среды. Королю, или, по его уполномоченію, коронному гетману принадлежало право назначенія или утвержденія избраннаго въ должности. Гетманъ Конецпольскій, съ вѣдома остальныхъ коммиссаровъ, назначилъ тутъ же, надъ Куруковымъ озеромъ, старшимъ запорожскаго войска Михаила Дорошенко [34]), какъ избраннаго на эту долж-

[34]) Свящ. Филиппъ говорилъ въ Москвѣ, что „Конецпольскій велѣлъ быть у казаковъ гетманомъ Дорошенку“ (Кулишъ, I, 182). Дорошенко еще во время Хотинской компаніи (1621 г.) характеризовался поляками, какъ человѣкъ, „всегда преданный королю и государству“. Въ 1623 году, послѣ Олифера Голуба, онъ уже былъ гетманомъ („Сейм. борьба, III, 168; IV, 108). Въ 1625 году Олиферъ оставался полковникомъ. Полковниками тогда же были Дорошенко, Жмайло (или Измаилъ) и Пырскій, одно время тоже бывшій гетманомъ (Кулишъ, I, 181).

ность казаками. Въ случаѣ неисполненія старшимъ своего долга, казаки (по Ординаціи) должны были просить короля и короннаго гетмана о назначеніи имъ другого старшаго. Если бы смерть старшаго послѣдовала въ очень далекой отъ мѣстопребыванія короля и короннаго гетмана мѣстности, то избранный казаками гетманъ могъ немедленно, не дожидаясь утвержденія, вступить во временное управленіе запорожскимъ войскомъ (этотъ пунктъ внесенъ былъ въ Ординацію во вниманіе къ казацкимъ возраженіямъ).

Самый важный изъ спорныхъ вопросовъ, вопросъ о сокращеніи численнаго состава запорожскаго войска, разрѣшенъ былъ неблагопріятно для казаковъ, съ несущественными лишь для нихъ уступками. Въ Декларацiи, какъ мы видѣли выше, коммиссары сразу потребовали «значительнаго уменьшенія» количества казаковъ. Считаясь съ этимъ въ неопредѣленной еще формѣ предъявленнымъ требованіемъ, казаки указывали (во-второмъ отвѣтѣ) на то, что въ послѣднемъ походѣ короннаго войска на Украину часть казаковъ перебита, другая часть по доброй волѣ возвратилась подъ власть украинскихъ урядовъ. Впрочемъ, они не противились тому, чтобы по возвращеніи ихъ домой люди, не занимающіеся военнымъ дѣломъ, не пользовались казацкими вольностями. Въ новыхъ условіяхъ своихъ коммиссары уже предъявили къ казакамъ опредѣленныя требованія: все запорожское войско должно состоять изъ пяти тысячъ человѣкъ, и это число казаковъ должно быть внесено въ реэстръ въ теченіе четырехъ недѣль со времени окончанія коммиссіи. Казаки (въ третьемъ своемъ отвѣтѣ) выставляли на видъ то, что въ числѣ ихъ болѣе десяти тысячъ найдется такихъ, которые десять, двадцать и тридцать лѣтъ уже занимаются военнымъ дѣломъ. Они предоставляли коммиссарамъ самимъ разсудить, возможно ли человѣку, бывшему уже свободнымъ, подчиниться господской власти, и покорнѣйше просили ихъ не требовать отъ нихъ того, что могло бы произвести смуту въ нихъ. Установленіе порядка среди нихъ уже наступающей зимой казаки считали затруднительнымъ, такъ какъ въ открытомъ полѣ сдѣлать это трудно, а сборъ всего войска въ городѣ причинилъ бы людямъ большое отягощеніе и разореніе. Они обѣщали установить порядокъ весной, когда легче собраться всѣмъ въ полѣ. Обѣщали установить его въ присутствіи назначенныхъ коммиссарами лицъ... Коммиссары не вняли по существу этимъ представленіямъ казаковъ, хотя

нѣкоторыя второстепенныя уступки имъ все-таки сдѣлали. Срокъ для составленія реэстра казаковъ они назначили шестинедѣльный (съ 6 ноября по 18 дек. по нов. стилю). Количество запорожскаго казачества опредѣлили въ шесть тысячъ. Эти шесть тысячъ должны были быть внесены въ реэстры, въ которыхъ должно было быть обозначено и то, сколько казаковъ будетъ жить въ каждомъ староствѣ. Реэстры должны быть вручены коронному гетману или особымъ для того назначеннымъ коммиссарамъ, а ими переданы въ короное казнохранилище, откуда копіи ихъ будутъ выданы старостамъ (для внесенія въ инвентари). Для наблюденія за составленіемъ реэстровъ казаковъ коммиссары избрали изъ своей среды Галицкаго каштеляна Мартина Казановскаго, Кіевскаго подкоморія Стефана Немирича (православнаго), Зугвульскаго старосту Ѳому Склинскаго и Кіевскаго хорунжаго Ѳеодора Ельца (православнаго).

Казакамъ, внесеннымъ въ реэстры, подтверждались (по Ординаціи) всѣ ихъ прежнія права и вольности, а также право (о чемъ они каждый разъ просили коммиссаровъ) торговли, ловли рыбы и звѣрей, съ тѣмъ только, чтобы не причиняли убытка доходамъ старостъ. Ежегодное жалованіе запорожскому войску назначено было въ размѣрѣ шестидесяти тысячъ золотыхъ польскихъ (съ выдачей его въ Кіевѣ въ Ильинъ день). Чиновнымъ лицамъ въ запорожскомъ войскѣ назначены были особые ежегодные оклады: старшему 600 золотыхъ, обозному 100, писарю 100, двумъ эсауламъ по 150, шести полковымъ эсауламъ по 50, шести полковникамъ по 100, шестидесяти сотникамъ по 50, войсковому судьѣ 100 золотыхъ [35]). Одна тысяча казаковъ изъ вышеупомянутыхъ шести тысячъ (или сколько ихъ нужнымъ признано будетъ короннымъ гетманомъ съ вѣдома казацкаго старшаго, по обстоятельствамъ времени) должна была находиться на Низу, за порогами и тамъ нести службу государству, давая знать о непріятелѣ, препятствуя его переправамъ, защищая отъ него то мѣсто. Остальное запорожское казачество, жительствующее по волостямъ, должно было, по требованію короннаго гетмана, являться на службу государству къ кварцяному войску или туда, гдѣ будетъ въ томъ

[35]) Коммисары раньше обѣщали казакамъ жалованье въ размѣрѣ пятидесяти тысячъ. Казаки (въ третьемъ отвѣтѣ) находили эту сумму недостаточной. Казаки всякій разъ просили объ особомъ жалованьѣ для своихъ старшихъ.

нужда. Если казацкому старшему придется самому отправиться въ Запорожье, онъ долженъ оставить своимъ замѣстителемъ человѣка добраго и разсудительнаго, который бы слѣдилъ за порядкомъ и оказывалъ обиженнымъ дѣйствительную и немедленную справедливость. Казаки вообще не должны вмѣшиваться ни въ замковые, ни въ духовные, ни въ городскіе суды. Справедливость каждому обиженному казаками должны чинить атаманъ и старшіе ихъ въ присутствіи подстаростъ, а обиженнымъ казакамъ должны ее чинить подстаросты.

Вопросъ о томъ, гдѣ жить запорожскимъ казакамъ (т. е. всей массѣ запорожскаго казачества, когда она не несла службы въ самомъ Запорожьѣ или въ другомъ мѣстѣ), одинаково озабочивалъ тогда и шляхтичей—землевладѣльцевъ, и самихъ казаковъ. Казаки сперва настойчиво просили о томъ, чтобы имъ разрѣшено было попрежнему жить въ шляхетскихъ и духовныхъ имѣніяхъ, гдѣ у нихъ имѣлась недвижимая собственность. Но коммиссары рѣшительно этому воспротивились. Казакамъ, въ виду этого, приходилось позаботиться уже лишь о лучшемъ способѣ ликвидаціи своего владѣнія въ этого рода имѣніяхъ (третій ихъ отвѣтъ)... По Ординаціи, въ шляхетскихъ и духовныхъ имѣніяхъ дозволялось жить только тѣмъ казакамъ, которые будутъ послушны своимъ владѣльцамъ (т. е. признаютъ ихъ власть надъ собою) и которыхъ эти послѣдніе захотятъ терпѣть. Кто не захочетъ быть послушнымъ своему владѣльцу, тотъ не долженъ оставаться въ этихъ имѣніяхъ долѣе 12 недѣль со дня изданія Ординаціи. Деревни, ухожья (uchody), ловы (iazy), земли, мельницы и иныя владѣнія, которыя казаки за это время узурпировали себѣ, они обязаны тотчасъ, безъ всякаго промедленія, возвратить старостамъ, державцамъ и панамъ—землевладѣльцамъ, если они не представятъ назначеннымъ для переписи войска коммиссарамъ доказательствъ своего права на нихъ. Если бы кто изъ нихъ не пожелалъ подчиниться своему пану - землевладѣльцу и по этой причинѣ не могъ остаться жить въ шляхетскихъ и духовныхъ имѣніяхъ, таковой до истеченія 12 недѣль воленъ продать [36]) свои домъ и прочее имущество (rozrobek) такому человѣку, который будетъ оказывать пану должное повиновеніе и подданство. Но старосты и владѣльцы

[36]) Казаки просили (третій отвѣтъ), чтобы сами владѣльцы или ихъ подданные заплатили имъ за ихъ дома и прочее имущество...

позволятъ имъ спокойно собрать ихъ озимый и яровой хлѣбъ. Для провѣрки правъ казаковъ на земли начначены были тѣ же коммиссары, что и для наблюденія за составленіемъ рэестровъ казаковъ.

Въ Ординаціи нашли себѣ мѣсто два запретительныхъ пункта относительно казацкихъ выходовъ въ море и сношеній казаковъ съ иностранными государствами [37]). Казаки обязались не ходить въ море, ни по Днѣпру, ни по другимъ рѣкамъ, не нарушать договоровъ съ турецкимъ императоромъ, не начинать ни сухопутной, ни морской войны безъ воли и приказа короля и государства. Морскія лодки они обязались теперь же, въ присутствіи назначенныхъ коммиссарами свидѣтелей, сжечь, новыхъ лодокъ, подъ страхомъ строгого наказанія, не дѣлать, не спускать по Днѣпру и другимъ рѣкамъ ни морскихъ лодокъ, ни липоваго дерева (для устройства конечно, лодокъ). Казацкіе старшіе должны были наблюдать за этимъ подъ угрозой королевской немилости и строгой кары. Королевскіе старосты также должны были препятствовать этому... Казаки обязывались не вступать въ договоры съ сосѣдними государствами, не принимать пословъ отъ иностранныхъ государей, не посылать своихъ пословъ къ нимъ, не поступать на службу къ чужимъ государямъ. Если они что-либо подобное позволятъ себѣ, они явятся не вѣрноподданными, а врагами своего государства, которыхъ нужно не коммиссіями укрощать, а открыто и сурово карать, безъ всякихъ дальнѣйшихъ съ ними сношеній.

Въ Ординаціи не было особыхъ, сколько-нибудь опредѣленныхъ, статей относительно тѣхъ казаковъ, которые подлежали выпискѣ изъ состава запорожскаго казачества. Въ ней вставлено только мимолетное замѣчаніе, что тѣ, которые будутъ выписаны, изъ-за этого не понесутъ вреда, и что подстаросты не будутъ ихъ карать за то, что они были въ войскѣ запорожскомъ. Впрочемъ, и писать о нихъ въ Ординаціи собственно было нечего: имъ предстояло возвращеніе въ ихъ первобытное состояніе, въ крѣпостную зависимость отъ своихъ прежнихъ владѣльцевъ [38]).

---

[37]) На эти пункты казаки дали свое согласіе.

[38]) Не видно заботы объ этихъ выписчикахъ и со стороны самихъ казаковъ, или—точнѣе—казацкихъ властей, ведшихъ съ коммиссарами переговоры подъ Куруковымъ озеромъ.

Нѣсколько пунктовъ казацкихъ просьбъ, обращенныхъ къ коммиссарамъ, въ Ординаціи совсѣмъ не нашли себѣ мѣста [39]). Къ числу этихъ пунктовъ принадлежалъ и пунктъ о свободѣ исповѣданія православной вѣры въ литовско-польскомъ государствѣ. Во-второмъ своемъ отвѣтѣ (отъ 3 ноября) казаки просили коммиссаровъ ходатайствовать передъ королемъ о томъ, чтобы онъ «успокоилъ стародавнюю греческую ихъ религію». Во вторично предложенныхъ казакамъ своихъ условіяхъ (отъ 4 ноября) коммиссары указывали имъ на то, что «имъ въ религіи ихъ греческой не дѣлается никакого нарушенія ихъ правъ и препятствія, и что скорѣе духовныхъ, чѣмъ военныхъ людей касается это дѣло, которое уже и успокоено, и сеймовой конституціей, и королевскимъ назначеніемъ о. Копыстенскаго на Печерское архимандритство» [40]). Казаки въ третьемъ своемъ отвѣтѣ (отъ 5 ноября) уже не поднимали религіозно-вѣроисповѣднаго вопроса... Если сравнить Ординацію (отъ 6 ноября) съ первоначальной Декларацією коммиссаровъ (отъ 27 октября), то нельзя не констатировать полнаго ихъ различія по религіозно-церковному вопросу. Въ Деклараціи отведено было значительное мѣсто этому вопросу. Въ трехъ пунктахъ ея (изъ шести) онъ былъ затронутъ, и затронутъ въ формѣ фактически—обоснованнаго обвиненія. Въ Ординаціи царило полное молчаніе по религіозно-церковному вопросу. Получается такое общее впечатлѣніе, что ко времени окончательнаго соглашенія съ казаками польское правительсто отказалось отъ выставленныхъ противъ нихъ обвиненій религіозно-церковнаго характера, а казаки отказались отъ своихъ требованій этого рода.

Хотя запорожское войско во всѣхъ своихъ отвѣтахъ отказывалось отъ принесенія особой присяги на вѣрность королю и государству (отказывалось на томъ основаніи, что оно ея и не нарушало), тѣмъ не менѣе королевскіе коммиссары настойчиво требовали ея принесенія и настояли на своемъ. Пер-

---

[39]) Объ оказаніи продовольственной помощи казакамъ въ наступающую зиму (въ виду разоренія Украйны послѣднимъ походомъ коронnаго войска), о назначеніи мѣста для нахожденія казацкой артиллеріи, о вознагражденіи казаковъ за понесенные ими убытки, о возвращеніи имъ ихъ женъ, дѣтей и имущества (третій отвѣтъ).

[40]) Niemcewicz, VI, 200, 214. У Нѣмцевича тутъ вкралась опечатка: na archimandryctwo Barskie. Въ рук. Имп. Публ. Библ., Пол., F. IV. № 241, стр. 631 написано: Pieczarskie.

вымъ присягнулъ новый запорожскій гетманъ Михаилъ Дорошенко. Онъ присягнулъ въ томъ, что будетъ всегда и во всемъ послушенъ королю и польскому государству, что будетъ укрощать всякое своеволіе, ни самъ лично не будетъ, ни другихъ не будетъ посылать воевать съ турецкимъ императоромъ, ни моремъ, ни сухимъ путемъ. Если бы кто-либо изъ запорожскаго войска или иной кто-нибудь пожелалъ это сдѣлать, онъ объ этомъ предупредитъ короля и коронныхъ гетмановъ и самъ противъ такового выступитъ. Запорожскій гетманъ, кромѣ того, присягнулъ въ томъ, что онъ не будетъ звать къ себѣ и собирать добровольцевъ и выписанныхъ изъ состава запорожскаго войска безъ воли короля и государства, что, напротивъ, онъ будетъ ихъ карать. Наконецъ, онъ присягнулъ въ томъ, что онъ со всѣмъ товариществомъ не нарушитъ ни въ малѣйшемъ пунктѣ условій настоящей Ординаціи (присяга Дорошенки включена была въ самый текстъ ея). Вслѣдъ за гетманомъ присягнуло и все войско запорожское (по Дневнику, 6 ноября) въ присутствіи одного изъ коммиссаровъ, краснославскаго старосты Якова Собѣскаго (маршалка варшавскаго сейма 1623 года). Запорожскіе казаки, всѣ единодушно и каждый въ отдѣльности, присягнули въ томъ, что будутъ хранить вѣрность подданства королю, будутъ оказывать всякое послушаніе своимъ старшимъ, не будутъ ходить въ море по Днѣпру, не будутъ нападать на турецкія владѣнія, сожгутъ всѣ морскія лодки, не будутъ заключать договоровъ съ иностранными государями безъ вѣдома короля, вообще не будутъ ничего дѣлать въ ущербъ королю и государству.

Списокъ условій Ординаціи скрѣпленъ былъ печатью войска Запорожскаго и подписями нѣсколькихъ представителей казацкой старшины [41]).

Общій неблагопріятный для запорожскаго казачества характеръ Ординаціи, или Куруковскаго договора, былъ неизбѣжнымъ результатомъ неудачно для него окончившейся военной компаніи. Мы уже указывали на то, что запорожское казачество, послѣ потерь, понесенныхъ имъ въ морскихъ походахъ лѣтомъ 1625 года, было и морально, и матеріально ослаблено. Стараніями Конецпольскаго союзъ запорожскихъ

[41]) Въ рук. Имп. Публ. Библ., Pol. F. IV. № 96, л. 54 об., сказано, что именемъ Михаила Дорошенка, старшаго запорожскаго войска, по просьбѣ его, такъ какъ самъ онъ не умѣлъ писать, подписался Янъ Рачинскій.

казаковъ съ крымскими татарами, заключенный въ предыдущемъ году, своевремено былъ разстроенъ. Въ нужный моментъ помощи отъ татаръ, въ какой бы то ни было формѣ, казаки не получили. Повидимому, послѣ цѣлаго ряда лѣтнихъ морскихъ неудачъ, высшій внутренній военный порядокъ въ Запорожьи пришелъ въ нѣкоторое разстройство. Въ критическій моментъ во главѣ запорожскаго войска не оказалось ни боевого, ни организаторскаго таланта. Гетманъ Жмайло прошелъ малозамѣтной тѣнью въ кровавыхъ событіяхъ послѣднихъ октябрскихъ дней. Польскій дневникъ противоказацкой экспедиціи 1625 года чаще упоминаетъ его имя подъ тѣми числами, когда его ожидали на мѣсто военныхъ дѣйствій, чѣмъ тогда, когда онъ прибылъ на это мѣсто. Между тѣмъ подъ его начальствомъ собралось болѣе двадцати тысячъ человѣкъ [42]). Напротивъ, предводитель польскаго войска Стан. Конецпольскій обнаружилъ не заурядную военную энергію. Притомъ же польское войско оказалось количественно превосходящимъ казаковъ (болѣе тридцати тысячъ). Многочисленность собравшагося подъ начальствомъ Конецпольскаго войска объясняется тѣмъ, что къ нему явилась со своими отрядами значительная часть назначенныхъ королемъ коммиссаровъ. Нѣкоторые не явившіеся лично прислали свои военные отряды. Явились нѣкоторые южнорусскіе землевладѣльцы и не назначенные въ составъ коммиссаровъ [43]). Для всѣхъ этихъ владѣльцевъ южнорусскихъ имѣній казацкій вопросъ давно сталъ роковымъ вопросомъ. Для нихъ запорожское казачество было той ужасной бездной, которая ежегодно поглощала все большія и большія толпы ихъ крѣпостныхъ крестьянъ,—основу ихъ матеріальнаго благополучія. Въ составѣ собравшихся къ Конецпольскому южнорусскихъ землевладѣль-

---

[42]) Подольскій подстолій Мясковскій, лично бывшій въ казацкомъ таборѣ послѣ заключенія Куруковскаго договора, говоритъ, что казаковъ въ немъ было не менѣе 20.000 человѣкъ. Количество казаковъ, погибшихъ въ октябрскихъ сраженіяхъ, не считая утонувшихъ въ Днѣпрѣ. сами казаки, по словамъ Дневника, опредѣляли въ 8.000 человѣкъ (Niemcewicz. VI, 229, 159). Свящ. Филиппъ опредѣлилъ количество погибшихъ казаковъ въ 5.000 человѣкъ. Онъ же говорилъ въ Москвѣ, что у Конецпольскаго польскаго войска было около 30.000 чел. и нѣмецкой цѣхоты 3.000 чел. (Кулишъ, I, 230, 181).

[43]) Niemcewicz, VI, 161—162. Изъ назначенныхъ королемъ коммиссаровъ не прибыло 10. Фамиліи первыхъ см. въ рук. Имп. Публ. Библ., Пол. F. IV. № 241, стр. 695. Фамиліи послѣднихъ см. въ Ординаціи.

цевъ были и православные по вѣрѣ [44]). Могущественные матеріальные интересы сплотили ихъ во едино. Дружный союзъ польской военно-правительственной силы съ мѣстными силами и сокрушилъ подъ Куруковымъ озеромъ запорожскую (по своему происхожденію въ преобладающей массѣ крестьянскую) рать.

Согласно съ основной цѣлью активнаго выступленія землевладѣльческаго класса противъ запорожскаго казачества, пунктъ объ уменьшеніи численнаго состава этого послѣдняго, давно привлекавшій къ себѣ вниманіе польско-шляхетскихъ сеймовъ, получилъ въ Куруковскомъ договорѣ вполнѣ опредѣленное рѣшеніе въ землевладѣльческихъ интересахъ. Казаки, какъ мы выше видѣли, указывали на то, что въ ихъ числѣ находится болѣе десяти тысячъ такихъ, которые состоятъ въ запорожскомъ войскѣ свыше десяти лѣтъ. Самъ Конецпольскій признавалъ, что въ числѣ запорожскихъ казаковъ было болѣе четырехъ тысячъ «однихъ старшихъ, хорошо послужившихъ королю и государству». Тѣмъ не менѣе Куруковскій двадцатысячный казацкій таборъ, угрожаемый соединенной правительственно-землевладѣльческой коалиціей, долженъ былъ согласиться на уменьшеніе своего численнаго состава до одной съ небольшимъ трети его. Долженъ былъ согласиться и на назначеніе опредѣленнаго срока для выписки изъ своего состава двухъ третей его слишкомъ. Принятая на государственную службу съ особымъ значительнымъ жалованьемъ казацкая старшина [46]) готова была принять и дѣйствительныя мѣры къ осуществленію выгоднаго для него въ финансовомъ отношеніи новаго порядка вещей. Очутившійся во главѣ своеобразной казацкой

---

[44]) Таковы, напр., кіев. подкоморій Стеф. Немиричъ, кіев. хорунжій Ѳед. Елецъ, кіев. чашникъ Фил. Стриблъ (ср. прим. 11). Краковскій каштелянъ, кн. Ю. Збаражскій прислалъ къ Конецпольскому кн. Четвертинскаго. Про него онъ писалъ Конецпольскому: „Хотя онъ греческой религіи, но не казацкой доблести и не казацкаго происхожденія, и я знаю, что онъ радъ бы увидѣть казаковъ утопленными въ одной ложкѣ“ (рук. Имп. Публ. Библ., Пол., F. IV. № 241, стр. 605—608, письмо отъ 17 сент. 1625 г.). Этотъ молодой князь Четвертинскій еще 13 окт. попалъ въ плѣнъ къ казакамъ и пробылъ въ немъ до конца войны (Niemcewicz, VI, 146).

[45]) Niemcewicz, VI, 165.

[46]) Конецпольскій 7 ноября писалъ королю: „чтобы держать казаковъ основательно въ добромъ порядкѣ, мы назначили ихъ старшимъ годовое жалованье“ (Niemcewicz, VI, 166).

аристократіи, неграмотный М. Дорошенко ѣздилъ съ коммиссарами по украинскимъ («козацкимъ») городамъ, производя фактическій разборъ казаковъ. Онъ производилъ этотъ разборъ даже въ заднѣпровскихъ городахъ (въ Нѣжинѣ, Прилукахъ, Лубнахъ). Конецпольскій, съ цѣлью поддержать силой дѣйствія новаго запорожскаго гетмана, распололожилъ въ Украинѣ на всю зиму пятнадцатитысячное коронное войско подъ начальствомъ Казановскаго. Оно стояло въ украинскихъ городахъ, въ Кіевѣ (три роты жолнеровъ и три роты пѣхоты), въ Васильковѣ, Фастовѣ, Трепольѣ и др. [47]). Этой сторонѣ дѣла Конецпольскій придавалъ самое важное значеніе. Въ посланіи къ шляхтѣ своего, сендомирскаго воеводства (на опатовскій сеймикъ) онъ (сендомирскій воевода) назвалъ выписку лишнихъ элементовъ изъ состава казачества «душой всего дѣла» [48]).

Одновременно съ выпиской назначенные для того подъ Куруковымъ озеромъ коммиссары занимались и другимъ порученнымъ имъ тогда же дѣломъ — возвращеніемъ духовнымъ и свѣтскимъ землевладѣльцамъ Украины тѣхъ или иныхъ земель, захваченныхъ у нихъ казаками въ предыдущіе годы. Съ фактомъ такого рода дѣятельности ихъ мы встрѣчаемся въ самомъ Кіевѣ. 21 января 1626 года королевскіе коммиссары (М. Казановскій и С. Немиричъ), вслѣдствіе жалобы Кіево-Софійскаго митрополичьяго уніатскаго намѣстника на запорожскихъ казаковъ и по выслушаніи оправданія со стороны кіевскихъ казаковъ Соленика и Кизима, а также запорожскаго гетмана М. Дорошенко съ войсковыми полковниками, эсаулами и судьями, приказали кіевскому замковому уряду передать Васильевскую церковь съ принадлежащимъ къ ней недвижимымъ и движимымъ имуществомъ уніатскому митрополиту и его капитулѣ. Кіевскіе казаки и Дорошенко объяснили королевскимъ коммиссарамъ, что они никогда никому не приказывали отнимать у уніатскаго митрополита эту церковь, и что она запорожскимъ войскомъ и не отобрана. Рѣшеніе коммиссаровъ 4 февраля 1626 года приведено было въ исполненіе шляхтичемъ Александромъ Солтаномъ, намѣстникомъ Кіевскаго подвоеводы Ѳеодора Ельца (не принявшаго участія въ интересующемъ насъ дѣлѣ въ качествѣ королев-

---

[47]) Кулишъ, I. 182.

[48]) Niemcewicz, V, 223, отъ 5 дек. 1625 г.

скаго коммиссара, потому, вѣроятно, что онъ служилъ кіевскимъ подвоевой) [49]). Этимъ юридически-фактическимъ возстановленіемъ власти уніатскаго митрополита надъ Васильевскою церковью и ея имуществомъ въ Кіевѣ закончилось громкое дѣло о захватѣ этой церкви запорожскими казаками и убійствѣ ими ея священника Іоанна Юзефовича и кіевскаго войта Ѳеодора Ходыки. Уголовнаго разслѣдованія дѣла королевскіе коммиссары не имѣли надобности производить, такъ какъ Куруковской ординаціей, какъ мы видѣли выше, дарована была амнистія виновникамъ совершенныхъ казаками въ королевскихъ городахъ убійствъ.

Проф. **Н. Жуковичъ.**

[49]) Коммиссарскій декретъ и донесеніе вознаго объ его исполненіи находятся въ архивѣ уніат. митр. (въ арх. Св. Синода), подъ №№ 225 и 444 (ср. „Сейм. борьбу", IV, 147—149).

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии

www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки